

К 63.3

М 69

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ТАРУСЕ

**СЕРГЕЙ
МИХЕЕНКОВ**

К 63.3

М 69

Сергей Михеенков

Исторический и литературный
ПУТЕВОДИТЕЛЬ
по Тарусе
и ее окрестностям

521013129

Калужская
обл. библиотека
им. В. Г. Белинского

Местное
издание

«ЗОЛОТАЯ АЛЛЕЯ»
2008

ББК 86.372
М 69

Оформление серии и обложка —
Алексей Трефилов
Макет — *Сергей Захаров*

Михеенков С.Е.
**М 69 Исторический и литературный путеводитель по
Тарусе и ее окрестностям.** — Калуга: Золотая ал-
лея, 2008. — 224 с., ил.

ISBN 978—5—7111—0442—1

ББК 86.372

Путеводитель по древнему городу на Оке, при-
станищу писателей, поэтов, художников, музыкан-
тов, ученых, людей, влюбленных в русскую приро-
ду, русскую старину, русскую культуру.

Книга содержит много самой разнообразной ин-
формации, богато иллюстрирована редкими фото-
графиями, некоторые из которых публикуются
впервые.

Путеводитель отличает образный язык и эмоци-
ональный стиль, которые так уместны в книге имен-
но о Тарусе.

ISBN 978—5—7111—0442—1

© С.Е. Михеенков, 2008
© «Золотая аллея», 2008

Под белым камнем

Марина Ивановна ЦВЕТАЕВА

(1892—1941)

1. «Золотые плоты по Оке...»

К Цветаевой надо ехать — или идти — не в Елабугу, где, за кладбищенскими воротами, за часовней, ее последний след и последняя земная дорога, не в Москву, где теперь столько о ней свидетельств, свидетелей и искушенных толкователей, а — в Тарусу. И вовсе не к камню на косогоре над обрывом, к тому самому белому камню с заветной надписью: «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева...» А — на простор. На Оку. На высокий берег, с которого, если душа зряча и терпелива, половина мира видна. На луга, опоясанные с одной стороны излучиной реки, а с другой — проселочными дорогами и слепыми тропинками в никуда, протоптанными неведомо кем и когда, быть может, еще в княжеские времена.

В тарусских стихах, и в московских стихах тарусского периода — когда Цветаевы почти каждое лето бывали

Анастасия и Марина Цветаевы. 1905 год

здесь, подолгу живя на даче, — ее врожденная гармония. Полное слияние с музыкой теплых вечеров под низкими звездами, с жаркими полуднями в тенистом саду, с прогулками вдоль реки и теми картинками, которые возникали тогда в жаркой смуте первой влюбленности. Именно в ранних стихах Цветаева удивительно гармонична, нежна и глубока. Светом полудетской чистоты буквально озарено ее раннее поэтическое творчество.

*Мы лежим, от счастья молчаливы,
Замирает сладко детский дух.
Мы в траве, вокруг синеют сливы,
Мама «Lichtenstein» читает вслух...*

«Как мы читали «Lichtenstein»

Здесь уже намечен надрыв. Как будто уже — предначертано. Ее душе уже хочется в кутерьму, в запрет-

ное, в бурю, заглянуть в пылающий кратер, в черное пылание его.

*С ранних лет нам близок кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль в недобрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!*

О «воле ветров» с восклицательным знаком. Чайла этих ветров, звала их на свою головушку. Заклинала, шаманила, хлыстовствовала. Быть может, сперва и притворно, играя со словами и звуками, как с цветными, забавными камешками, из которых всегда что-то составлялось диковинное, волнующее еще более, томительное, ощущаемое почти физически... И уже через десять лет, когда голос ее окончательно переродился, как говорят в народе, изрос:

*Душа, не знающая меры,
Душа хлыста и изувера,
Тоскующая по бичу.
Душа — навстречу палачу,*

Как бабочка из хризалиды!
Душа, не съевшая обиды,
Что больше колдунов не жгут.
Как смоляной высокий жгут,
Дымящая под власяницей...
Скрежещущая еретица, —
Савонаровой сестра —
Душа, достойная костра!»

«Душа, не знающая меры...»

Другие ритмы, не правда ли? Откровенно и страшно. Стилистически же — безупречно и даже превосходно. С упоением, которое простительно разве что поэту. Ей и прощали. Ей — и простили.

Стихи же из первых, юношеских книг удивительно прекрасны. Почему-то никому, даже сверхчуткой и взыскательной Ариадне Сергеевне Эфрон, не пришло в голову

Иван Владимирович Цветаев.
1903 год

составить сборник стихов, которого бы основу составили эти, тарусско-московские, десятых годов, да еще десятка полтора поздних, того же свечения. Таруса к ней, и в стихи тоже, иногда возвращалась. Быть может, в самые тяжкие дни и минуты физического и душевного переутомления и подавленности. Удивительно бы светлая получилась книжка! Пусть и небольшая. Хорошего поэта и строки, одного стиха, порою, бывает довольно, чтобы заполнить светом весь окружающий мир. Я уж не говорю об отдельной душе отдельного человека. Вот с

этой книжкою и пойти к чистой и доверчивой душе юного читателя — в школы, в институты, в концертные залы. В них ни нарочитой истерики, ни белых глаз полубезумия, ни плясок ведьминых, ни плохо скрытого хлыстовства, ни «волосатых звезд», ни «подружек одногрудых»...

В них:

*К Богу идут облака;
Лентой холмы огибая,
Тихая и голубая
Плещет Ока.
Детство верни нам, верни
Все разноцветные бусы, —
Маленькой, мирной Тарусы
Летние дни.*

«Ока»

И все-то тут — под небом. Все — среди лугов и неба.
И сама Ока, «тихая и голубая» — часть высокого неба.

*Мой утраченный рай в уголке,
Где вереницею плыли
Золотые плоты по Оке.*

«Ока»

Нет, детство все же иногда значительно больше,
чем — жизнь.

2. Два воспоминания

Среди обилия мемуарной литературы о Марине Цветаевой о тарусских днях есть два ярких свидетельства, обойти которые было бы нелепым и несправедливым. А потому, любезный мой читатель, делать нечего, давайте же позволим себе обширные цитаты из первоисточников.

Вот что рассказывает о тарусских днях и ночах Валерия Ивановна Цветаева, единокровная старшая сестра Марины: «После долгого и трудного пути семья была водворена в знакомый, милый домик над Окой.

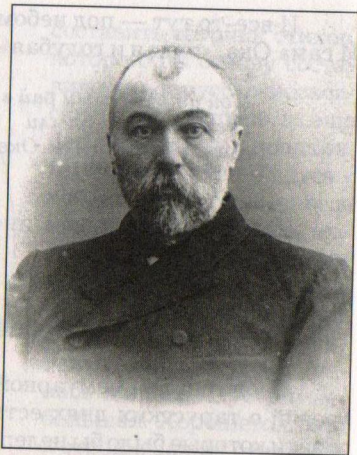
Девочки сильно выросли. Прямо с дороги обежали они и дом, и свои верхние комнатки с балконом над садом, и двор с кустами бузины у большого сарая, и старый сад, и спуск к реке, где еще цела была лестница с земляными ступенями, которую выкопал Сережа Иловайский, когда гостил у нас в Тарусе.

У городского сторожа, что жил недалеко от нашей дачи, в семье оказалось много молодежи, подростков — найдутся нашим девочкам товарищи для игр и походов...

Из нашей дружбы с Мариною в те дни помню такой случай. Как-то под вечер шли мы вдвоем из Тарусы от Добротворских к себе домой. Несли мы два толстых тома «Войны и мира» в крепких переплетах. Шли берегом, мимо кладбища. И захотелось Марине заночевать на кладбище!

М.А. Цветаева. 1903 год

И.З. Добротворский

Дома беспокоиться о нас не стали бы, думая, что мы остались у Добротворских.

Я легко согласилась: было лето, тепло. Ушли мы подальше от дороги, зашли за кусты на краю кладбища, положили себе по тому «Войны и мира» под голову и залегли. Уже смеркалось. Люди шли по дороге, голоса нам слышны, но нас не видно. Лежим молча, смотрим, как меняют краски облака там, высоко над нами. Поднялся ветерок, стало беспокойно. Мы придвинулись друг к другу. Лежать неудобно — от жестких переплетов голове больно. Лежим, терпим. Говорить ни о чем не хочется. От реки потянуло сыростью, и стали мы зябнуть в летних своих платьях. Уснуть почти невозможно: так, маета одна! А все-таки, видно, устали мы и, сами того не заметив, уснули.

Летняя ночь коротка: вот уже и голоса слышны, солнце всходит, по реке плоты идут, плотогоны перекликаются. Белый туман от солнца тает, трава мокрым-мокра, с берез

и кустов каплет, все кругом росой блестит. Лежать больше нет возможности, но идти в такую пору нам некуда. И стали мы бродить, на всю эту незнакомую нам утреннюю красоту любоваться. Цветов набрали полны руки, а от мокрой травы в башмаках вода, платье чуть не до пояса намокло, висит как клеенка, хлопает, шагать мешает.

Не рассуждая, сами не зная, что будет, повернули мы домой... А там видим: дом заперт, прислуга еще не вставала. Куда деваться? Залезли мы на сеновал над сараем, пригрелись и заснули, благо сухо да тихо... Когда проснулись и стукнула входная дверь без ключа, сама судьба помогла нам незаметно пробраться в дом, наверх, к своим постелям, и, как были, во всей «красе» свалились, заснули мы мертвым сном, проспав до самого завтрака, до 12 часов. Быстро переоделись, вышли к завтраку в обычном, приличном виде.

Сестры были большие любительницы приключений, ночных костров, фантастических рассказов, романтики стихов».

Далее о смерти мачехи, Марии Александровны, матери Марины и Анастасии: «Был июль. Уже второй месяц жили мы все вместе. Почти каждый день приходил к нам из Тарусы врач И.З. Добротворский. Он не скрывал от отца, что состояние М.Ал. таково, что надо быть готовым к очень близкому концу. Тетя Лена Добротворская озаботилась: девочкам, не имевшим темных платьев, сшили что-то темное и длинное. На тех же днях отец вышел к нам сказать, что М. Ал. зовет детей простаться.

Меня она не звала; я была благодарна ей за эту прямоту в тяжелый час. А дальше все было как бывало обычно в то время: привезли свинцовый гроб, и уехали мы все в Москву, а там похороны на Ваганьковском кладбище...»

Софья Ивановна Липеровская, урожденная Юркевич, гимназическая подруга Цветаевой: «Летом Марина уезжала в Тарусу к своей тете. Как-то она мне предложила: «Едем со мной в Тарусу! Живем там у тетки. Это

Церковь Воскресения Христова. Фото нач. XX века

осколок старого мира. Она отгораживается от современности — двери держит на запоре, на окнах спущены занавески, никого не принимает... Но жизнь вторгается и к ней».

«А как же она нас встретит? — сомневалась я. — Ведь для нее я чужой человек?»

«Ты ей не помешаешь. Ты скромная, тихая, говоришь по-французски — она это ценит. Мы с ней не спорим, но и не очень-то считаемся. Тетя двери запрет, а мы — в окно. Ты к этому не приучена. У вас в семье через окно не лазят, ну, ничего, привыкнешь. Асю ты знаешь, Андрея мы почти не видим, он с девочками не водится!»

Как могла я устоять против такого соблазна!

Ехали пароходом по Оке. Было это летом 1907 года, нам обоим — по пятнадцати лет.

*Звонят-поют, забвению мешая,
В моей душе слова: «пятнадцать лет».*

О, для чего я выросла большая?

Спасенья нет!

*Еще вчера в зеленые березки
Я убежала, вольная, с утра.
Еще вчера шалила без прически,
Еще вчера!..*

После пыльной и жаркой Москвы так хорошо плыть спокойно, медленно по голубой Оке, любоваться живописными берегами во время сенокоса. С заливных лугов доносится на палубу парохода аромат свежего сена — радостно-привольно дышать запахом только что скошенных трав!

В вечер приезда в Тарусу мы не увидели владелицы дома. Она редко выходила из спальни. Однако на всех комнатах, на мягкой мебели, покрытой белыми полотняными чехлами, в плотных белых занавесях, закрывавших все окна, чтобы «чужая» жизнь не вторгалась в этот замкнутый круг, отражался образ хозяйки.

Долго мы сидели с Мариной в гостиной и слушали мелодичную музыку старинных стенных часов. Часы в деревянном с резьбой футляре занимали весь угол комнаты почти до потолка. Каждую четверть часа они играли мелодичные пьесы, и тогда весь дом будто оживал и наполнялся звуками из старой-старой сказки.

На следующий день Марина познакомила меня со своей тетей. Я увидела худую, сухонькую старушку в белом чепчике с лентами и в длинном белом капоте с оборками и вышивками. Она вышла в полдень на террасу с мешочком какой-то крупы, которую сыпала в кормушку, и к ней слетались, садились ей на руки и на плечи белые-белые голуби.

Лишь один раз видела я хозяйку необыкновенного дома, и образ ее остался у меня в памяти.

По правилам дома, мы должны были возвращаться с прогулки в 10 часов вечера. Тогда запирались все двери и тетя ложилась в кровать, уверенная в том, что все правила, предписанные ею, неуклонно выполняются.

Александр Данилович Мейн (дед сестёр Цветаевых) с женой
Сусанной Давыдовной (Тьо)

Однако с этого часа и начиналась наша «настоящая» жизнь. Открывались окна, и мы бежали на речку, к лодкам. В светлые ночи гребли к лунной дорожке и плыли далеко-далеко, всматриваясь в потемневшие крутые берега Оки, заросшие густым кустарником. Становилось жутко от этих берегов, оврагов, казалось, что кто-то невидимый скрывается в них и... вот-вот выйдет оттуда, темный и страшный.

Марина любила быть с человеком «один на один», и всякий лишний ей стал бы мешать. Ася и Андрей не ходили с нами. К Асе Марина относилась как к человеку своему, они почти не расставались. Ася была моложе, еще девочка, а в тринадцать-пятнадцать разница лет очень чувствуется.

Любили мы ездить на пароме. Что-то в нем было своеобразное, русское, что-то от прежних времен, от истории нашей страны. Мы наблюдали медлительные движения паромщика, который терпеливо дожидался, пока все соберутся, и потом медленно перебирал руками проволоку от берега до берега. Под нами неторопливо бежала волна, темная, густая в безлунные ночи, а при луне светлая дорожка, которую паром рассекал поперек.

Ночь проводили, укрываясь в копнах сена, которые еще стояли на заливных лугах по берегам Оки. Забирались в копну, чтобы не было холодно. Луна заливала светом часть луга; за лугами темнели леса; с берегов Оки поднимался туман, иногда к нам доносилась песнь соловья. Зачарованные красотой летней ночи, увлеченные поэтическими образами, мы были счастливы. Марина читала любимые строки Пушкина и немецких романтиков Гете и Гейне.

Читала и свои стихи, некоторые из них потом вошли в сборник «Вечерний альбом» (1910) и «Волшебный фонарь» (1912). Марина не уставала читать стихи. Они были созвучны переживаниям. Творческая напряженность никогда ее не покидала.

На рассвете выбирались из копны и шли росистыми лугами. Местами не скошенная еще трава почти совсем

закрывала нас и обдавала свежей росой. Мы дрожали от холодного предрассветного ветерка, возвращались промокшие, утомленные, но полные живых, всякий раз новых впечатлений.

*Ах, золотые деньки!
Где уголки потайные,
Где вы, луга заливные
Синей Оки?*

С особой нежностью относились мы к тарусским далям во время захода солнца. Взбирались на высокий берег Оки и смотрели на «далекие зализы песка», на луга «разливанные» и на воды, отливающие золотом.

Иногда зори казались нам кровавыми, как предвещание трагической судьбы. Жутко становилось...

А было это за семь лет до объявления войны 1914—1918 годов. Эта война и последующие за ней события отдалили от нас дни юности. Смерть любимой матери, ревнивое чувство неудовлетворенной нежности и тревога общей неустроенности жизни наложили печать на легко ранимое, чуткое сердце. Даже среди обычного разговора иногда взгляд Марины затуманивался, и она без видимой связи с темой беседы, как будто видя страшный призрак, говорила: «Я умру молодой. Ты, Соня, долго будешь жить, может быть, скучно, но долго проживешь, а я!» — и она показывала жестом, что надевает на шею петлю. Я не верила тогда Марине, думала — романтизм, подражание поэтам-пессимистам, и все же было страшно... никакие усилия отвлечь ее от мрачных мыслей и вернуть к радостному творчеству не имели успеха. 22 сентября 1915 года — Марине было 23 года — она писала:

*С большой нежностью — потому,
Что скоро уйду от всех, —
Все раздумываю, кому
Достанется волчий мех,*

*И все записки, и все цветы,
Которых хранить невмочь...
Последняя рифма моя — и ты,
Последняя моя ночь!*

3. Цветаева и Есенин

Тарусский цикл, как это ни странно, роднит Цветаеву с Есениным. Даже в звучании их имен — Цветаева, Есенин — есть что-то общее. Впрочем, что же тут странного: детство их прошло на Оке, под одним и тем же русским небом, в краю «березового ситца»; им досталось в удел одно и то же время и одна судьба. Вот стихотворение «Новолуние» из книги «Вечерний альбом» (1907—1910):

*Новый месяц встал над лугом,
Над росистой межой.
Милый, дальний и чужой,
Приходи, ты будешь другом.*

Родство чувствуется и в других стихах, более поздних.

*Золото моих волос
Тихо переходит в седость.
— Не жалейте! Все сбылось,
Все в груди слилось и спелось.*

*Спелось — как вся даль слилась
В стонущей трубе окрайны.
Господи! Душа сбылась:
Умысел мой самый тайный.*

Исход же, смерть, сроднили их навсегда.

О Есенине у Цветаевой всего несколько поэтических строк и немного прозы. В очерке 1936 года «Нездешний вечер» воспоминание двадцатилетней давности: «Есенин